

КОРОТКО О КНИГАХ

*

Е. А. МАЙМИН. Афанасий Афанасьевич Фет. Книга для учащихся. («Биография писателя»). М. «Просвещение». 1989. 159 стр.

«Жизнь моя — самый сложный роман», — писал Афанасий Афанасьевич Фет другу своей молодости. Великому лирику не повезло с жизнеописаниями: ни один из замыслов создания его фундаментальной биографии (Н. Черногубовым, Б. Садовским, Г. Блоком) не был осуществлен. И до сих пор остаются неосвоенными целые пласты архивных материалов (прежде всего писем), имеющих первостепенное значение для понимания личности Фета и его судьбы.

Е. А. Маймин не ставил целью восполнить этот пробел. Лучшие страницы его книги — это прочувствованное, тонкое прочтение стихов поэта, прекрасный их анализ. Если бы Е. А. Маймин рискнул построить свою книгу по им самим провозглашенному тезису: «Биография поэта — это прежде всего его стихи», — то мы бы имели, вероятно, очень полезное и оригинальное пособие по изучению Фета.

Но автор взялся за биографию Фета — дело особенно трудное в жанре «книги для учащихся», ибо, повторяю, на сегодня нет ни одного научного жизнеописания поэта, на которое можно было бы опереться без опасения оказаться некорректным в отношении и отдельных фактов, и портрета в целом. Образ поэта с давних времен искажен сплетнями, штампами, идеологическими ярлыками. К сожалению, Е. А. Маймин остался во власти прежних устаревших представлений о Фете — «прекрасном поэте и плохом человеке».

В книге то и дело сталкиваешься с пресловутыми «легендами». Вот одна из них (цитирую Е. А. Маймина): «Фет женился на Марии Петровне, не испытывая к ней сильного любовного чувства...» Приведу только два отрывка из неопубликованных писем Фета к невесте: «Не мучь меня, моя милая, добрая Мари,— я тебя умоляю, как друга, как женщину, у сердца которой я ищу отдыха от всех дрязгов и хлама житейского, которая меня отогреет и простит. Умоляю тебя, напиши мне, что у тебя на душе? Любишь ли ты меня? так, как я тебя люблю. Способна ли ты на всю жизнь отдаться мне совершенно — во всех случаях жизни, так, как я это со своей стороны говорю — Бог даст, тебе докажу на деле»; «...Я пишу, потому что люблю тебя всеми силами бедной моей души».

Наибольшие недоумения вызывает глава «Фет-помещик». «За время пребывания в Степановке Фет написал не более трех лирических стихотворений», — утверждает автор, буквально поняв строки из часто цитируемого письма поэта к великому князю К. Романову. В действительности степановских стихотворений около пятидесяти. Е. А. Маймин не случайно так охотно отлучает Степановку от лирического творчества Фета, «Помещичье гнездо» (а в то время это

был единственный свой дом поэта) стало для Фета, по мнению автора книги, истоком «реакционности его социальной позиции».

«Точно так же, как он казался в обстановке 60—80-х годов запоздалым лириком, был он и запоздалым помещиком», — пишет Е. А. Маймин. Прежде всего не всем и в эти годы Фет казался «запоздалым лириком». Вспомним, что именно тогда среди поклонников его таланта были Л. Н. Толстой (о чем рассказывает и Е. А. Маймин), Н. Н. Страхов, В. С. Соловьев. Что же касается «запоздалого помещика», то в условиях пореформенной России Фет быть им просто не мог. Он стал помещиком-фермером, который использует труд наемных рабочих. О сложности становления новых отношений между землевладельцами и крестьянами, о возникновении новых социальных и экономических проблем в жизни России рассказал он в своих деревенских очерках. Вот как относится, например, «реакционер» Фет к отмене крепостного права: «Насколько мы понимаем дух крестьянской реформы, она должна разрешить два вопроса: эмансипацию личности и эмансипацию труда, что почти одно и то же»; «Заподозривать меня в пристрастии к старому порядку или в антипатии к вольному труду нельзя. Я сам добровольно употребил на это дело свой капитал и бьюсь второй год лично над этим делом».

Говоря об объективном смысле и значении этой прозы Фета, Е. А. Маймин делает такой «главный вывод»: «...интересы помещика и работника-крестьянина резко противоположны, между помещиком и крестьянином идет постоянная война». Для тех, кто прочтет деревенские очерки беспристрастно, станет очевидно, что пафос Фета-публициста в ином: необходимо объединить все живые общественные силы ради одной цели — развития страны.

В 1988 году в бывшей Степановке был поставлен первый в наше время памятник Фету, и памятник этот не только лирику, но и земледельцу, памятник трудолюбию, здравому смыслу, уважительному отношению к земле и природе — всему тому, что защищал Фет в своих деревенских очерках.

Г. Асланова.

*

ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. Стихотворения. («Библиотека поэта. Большая серия»). Л. «Советский писатель». 1989. 463 стр.

Вышел первый советский Ходасевич. Его поэтические книги не издавались в СССР с 1923 года (второе, гржебинское, издание «Тяжелой лиры»); прозаические не появлялись с 1924-го, то есть со времен «Поэтического хозяйства Пушкина». Последний раз подборка стихов Ходасевича появилась в 1925 году в составе известной антологии

Ежова и Шамурина. Потом — полное молчание вплоть до 1963 года, когда журнал «Москва» дал скромную подборку из «Европейской ночи», но почти сразу же имя Ходасевича вновь оказалось под запретом, были запрещены даже его поэтические переводы (правда, в 50-е и 60-е годы издавались «Избранная проза» и «Легенда Татр» К. Тетмайера в переводе В. Ходасевича, но это как раз объяснимо: переводчик прозы в отличие от переводчика-поэта у нас обычно остается как бы в тени переводимого текста). Табу временами достигало такой жесткости, что академик В. В. Виноградов в одной из своих работ на протяжении нескольких десятков страниц вел с Ходасевичем пушкиноведческую полемику, не имея возможности назвать своего оппонента по имени. Столь крайнее идеологическое отторжение имело, конечно же, свои корни — ввиду последовательного неприятия Ходасевичем-эмигрантом тогдашней советской реальности.

Первым признаком перемен был выход биографической книги Ходасевича «Державин» (М. 1988). И вот теперь — венец признания: стихотворный том в большой, парадной, серии «Библиотеки поэта».

Представлено практически полное собрание оригинальных стихотворений поэта. Мы помним, правда, что до революции Ходасевич очень много переводил и помимо многочисленных прозаических выпустил, в частности, сборник поэтических переводов «Из еврейских поэтов». Эта часть его наследия слабее всего представлена в данной книге, так что двухтомник поэта, выпущенный парижским издательством «La Presse Libre», под редакцией Юрия Колкера (1983), и по сей день сохраняет свое значение. Вне конкуренции остается и титанический труд Дж. Мальмстала и Р. Хьюза, выпустивших в 1983 году (издательство «Ardis») тщательно откомментированный том стихов Ходасевича.

В нашем томе заслуживает безусловной похвалы комментаторская работа Н. Богомолова и Д. Волчека: авторы показали свою высокую осведомленность в текстологических и библиографических вопросах. Уязвима, однако, вступительная статья, точнее ее положения, где Н. Богомолов говорит об общественных взглядах Ходасевича пореволюционной поры и о причинах его эмиграции. По существу, автор не смог объяснить отъезд поэта в Европу. События, «связанные с введением новой экономической политики», не имели на Ходасевича того влияния, какое приписывает им Богомолов, связывающий эмиграцию поэта с исчезновением в быту революционных идеалов.

«Первоначальный инстинкт, — вспоминал Ходасевич, — меня не обманул: я был вполне уверен, что при большевиках литературная деятельность невозможна. Решив перестать печататься и писать разве лишь для себя, я вознамерился поступить на советскую службу». Но очень скоро утратил общий язык с работодателями и стал продвигаться все западнее и западнее (Москва — Петербург — Рига — Берлин). Н. Богомолов уклонился от анализа «пушкинской речи» Ходасевича (1921) или очерка «Белый коридор», в которых ощущение нравственной и творческой духоты первых советских лет

выражено с отчаянной силой. Ходасевич имел не «экономические расхождения» с властью, но этические.

Отчего-то не упомянуты во вступительном очерке такие важные в жизни Ходасевича фигуры, как Андрей Белый и Горький, с которым Ходасевич много общался и в Петрограде, и в Берлине, и в Сорренто и которому посвятил целых три очерка? Отважусь сказать, что именно Горький был для него олицетворением современной России, и их разрыв в 1925 году стал знаком фундаментального мировоззренческого разлада поэта со страной.

При описании зарубежной жизни Ходасевича у Богомолова вообще происходит смена акцентов: до революции поэт находился в творческой, литературной среде, а в зарубежье, по Богомолову, он окружен исключительно «толстобрюхими хамами». В российский период акцент ставится на духовные проблемы, в эмигрантский — на житейские неурядицы. Очень жаль, что Н. Богомолов пошел этим исхоженным путем, столь уже знакомым нам по шаблонным изображениям Бунина-эмигранта.

Ленинград.

Ив. Толстой.

*

УИЛЬЯМ МЕЙКПИС ТЕККЕРЕЙ. ТВОРЧЕСТВО. ВОСПОМИНАНИЯ. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ. М. «Книжная палата». 1989. 488 стр.

Только последние годы автору «Ярмарки тщеславия» стали уделять у нас то внимание, какого достоин этот классик мировой литературы. За двенадцатитомным собранием сочинений (1974—1980) следуют дополняющие и расширяющие его издания: биографический роман Маргарет Форстер о Теккерее «Записки викторианского джентльмена» (1985) в переводе Т. Я. Казавчинской, сборник юмористических повестей и пародий сатирика на языке оригинала (1985), составленный Е. Ю. Гениевой, роскошно оформленная «Ярмарка тщеславия» в двух томах («Книга». 1986) со вступительной статьей и обширными комментариями И. О. Шайтанова. А теперь вот солидный, богато иллюстрированный компендиум теккереведения, в котором волею составителей совместились различные жанры: библиография русских переводов и исследований об английском писателе, ценный иконографический материал, впервые публикуемая у нас большая подборка стихотворений Теккерея в переводах А. Васильчикова, А. Солянова, Е. Печерской и других, воспоминания о писателе и отзывы о нем английских и русских литераторов. В конце книги интересный раздел «Теккерея и русская культура», где выделяются статьи С. Э. Нураловой «Теккерея и А. Н. Толстой», М. Н. Шиплиной «И. И. Введенский — переводчик Теккерея», воспоминания И. М. Дьяконова о своем отце М. А. Дьяконове, известном переводчике «Ярмарки тщеславия».

Поисканию подвижническим можно назвать труд Е. Ю. Гениевой, которая много лет отдала изучению творчества великого сатирика, собиранию и изданию материалов о